

Хлынувший с небес ливень оборвался в один миг.

Одинокий цветок туми покачнулся и рухнул наземь.

Коснувшись земли, лепестки сгорели в грязи. Пыхнуло багровое пламя, и из него со свистом вырвались две огненные цепи. Пробив пелену тумана, они намертво захлестнули свадебный паланкин.

Тварь в паланкине явно не ожидала, что Цзян Ту ударит без предупреждения. Свадебный экипаж не успел скрыться в тумане — путы стянули его мертвой хваткой, лишая малейшей возможности шевельнуться.

Из глубин паланкина соткался призрачный силуэт.

Это была молодая женщина в подвенечном наряде. Ее мокрые от дождя волосы слиплись и облепили бледное лицо, напоминая безжизненные морские водоросли.

Насыщенно-красный шелк ее платья зарос комьями липкой грязи, словно несчастную долго волокли по размокшей земле. Одной расшитой туфельки не хватало — босая нога оставляла на траве отчетливый кровавый след с каждым шагом.

Пленница не пыталась вырваться из огненных оков. Ведомая цепями, она медленно приблизилась к Цзян Ту и глухо повалилась на колени:

— Смирная раба... приветствует господина.

Цзян Ту даже бровью не повел, зато Е Хуай вздрогнул.

Мальчик понимал: от этой женщины за версту несло леденящей душу злобой. Перед ними стоял самый страшный, самый мстительный неупокоенный дух — свирепый призрак в алом саване.

И все же это чудовище, способное вырезать целые поселения, перед Цзян Ту оказалось бессильно. Мало того, оно склонилось в глубоком почтении и назвало его «господином».

Кто же такой этот Цзян Ту?..

Ван Чжаоди — так звали мертвую невесту — прижалась лбом к сырой земле, сложив руки перед собой в нижайшем поклоне.

— Подними голову, — негромко приказал Цзян Ту.

Девушка повиновалась. Из-под мокрых прядей показалось лицо, иссеченное глубокими ранами.

Один глаз у нее вывалился из орбиты, скулы и челюсть были раздроблены, а из ноздрей, рта и глазных щелей непрерывно сочилась густая черная жижа.

Е Хуай инстинктивно шагнул назад, поближе к защитнику, едва ли не прижимаясь к его плечу.

Цзян Ту покосился на побелевшего подростка:

— Заметил что-нибудь?

— Эту девушку... — пробормотал Е Хуай пересохшими губами, — забили до смерти.

Ему не раз приходилось видеть, как ловят беглых сосудов для парного совершенствования. Когда их бездыханные тела волокли на свалку, они выглядели точно так же.

Цзян Ту лишь молча подтвердил его догадку взглядом и вновь обратился к призраку:

— Ван Чжаоди. Почему твоя душа блуждает среди живых вместо того, чтобы сойти в царство теней и переродиться?

У Е Хуая похолодело внутри. Заклинатели твердили: при встрече со злым духом нельзя спрашивать о двух вещах — о причине смерти и о неоплаченном долге живым. Малейшее напоминание о пережитом кошмаре лишает призрака остатков разума, превращая его в безумную машину для убийств. А его спутник умудрился за пару вдохов поднять обе запретные темы!

Ответная реакция не заставила себя ждать. Злоба мертвой невесты хлынула наружу ледяной волной, завыл яростный ветер, прижимая траву к земле.

Лицо Ван Чжаоди исказилось в жуткой улыбке, порвавшей углы ее рта. Она мазнула бледными пальцами по сочащейся ране и густо очертила губы алой кровью, словно нанося свадебный грим:

— На десять ли — красный ковер, на сто ли — брачное ложе... Поднимайте паланкин, скорее! Негоже пропускать час судьбы... Хи-хи... Ха-ха...

От этого безумного смеха в глазах Е Хуая потемнело. Прошлое рассеялось, уступая место чужому воспоминанию.

Теперь он сам бежал сквозь ливень по раскисшей, усеянной острыми камнями тропе,

облаченный в тяжелые красные шелка. Ступни горели, изрезанные острым гравием, грудь разрывало от нехватки воздуха, а каждый вдох отзывался в легких невыносимым, удушающим спазмом.

Впереди, сквозь пелену дождя, показались очертания деревенской межи. Гранитная плита с надписью «Деревня Множества Благословений» была совсем близко.

«Быстрее! Вон отсюда! Вырваться!» — в сознании билась лишь одна отчаянная мысль.

Один шаг — и его нога коснулась земли за пределами деревни.

Спасение было так близко...

Внезапно лодыжку пронзила острая боль. Земля ушла из-под ног, и он тяжело рухнул ничком в грязь.

Позади послышался торжествующий рев и отборный мат преследователей. Шаги приближались со всех сторон, смыкая кольцо.

Первые удары посыпались градом. Дубины, тяжелые кулаки, обрезки досок — все это обрушилось на его тело. Кости лопались одна за другой со страшным сухим треском. Осколки ломаных ребер пробивали плоть изнутри, проступая под кожей уродливыми буграми, похожими на узловатые корни векового дерева.

Боль притупилась, сменившись мертвенным онемением, но он все еще полз вперед, цепляясь за жизнь одними ногтями.

Но стоило ему проползти хоть вершок, как чьи-то грубые руки хватали его за искалеченные ноги и волокли обратно во тьму.

Пальцы глубоко уходили в раскисшую глину, оставляя на ней рваные борозды. Он отчаянно сопротивлялся, отказываясь возвращаться в этот ад, но разве мог умирающий калека совладать со сворой разъяренных мужчин?

Ногти ломались и отрывались с мясом. Из-под ногтевых лож брызнула кровь, прочертив на грязной дороге десять жутких красных полос — памятник его бессилию.

Проваливаясь в беспросветный мрак, он расслышал доносящийся издалека, полный ужаса девичий крик:

— Сестра! Сестрица, нет!..

Е Хуай вздрогнул всем телом. Кровавая пелена перед глазами рассеялась, и он снова увидел перед собой спокойное лицо Цзян Ту, который как раз убирал руку от его лба.

Кожа еще сохраняла легкую прохладу его пальцев. Именно Цзян Ту вырвал его из кошмарного наваждения, навеянного предсмертной мукой мстительного духа.

Мальчика била крупная дрожь, холодный пот катился по спине. Чужая агония оказалась настолько осязаемой, что на миг ему показалось, будто это его собственное тело было раздроблено тяжелыми сапогами крестьян.

Оглядевшись, он понял, что алые цветы туми исчезли, а вместе с ними растаял и призрак невесты.

О чем успел переговорить Цзян Ту с неупокоенной душой, пока сам он блуждал в лабиринтах кошмара? Ответ остался скрыт от него.

С неба вновь хлынули потоки холодной воды, словно пытаясь смыть следы недавней чертовщины.

Однако дождь мог скрыть кровь, но не саму трагедию. Старый каменный указатель у въезда в деревню Множества Благословений высился немым свидетелем совершавшихся здесь злодеяний.

Цзян Ту пристально наблюдал за молчаливым спутником. В Поднебесной и в преисподней подобных трагедий вершились тысячи; господин загробного мира привык вершить суд над мертвыми, не вмешиваясь в склоки живых. Но реакция Е Хуая на произошедшее интересовала его куда больше, чем заурядная месть призрака.

Опустившись перед мальчиком на одно колено, Цзян Ту заглянул в его чистые, похожие на драгоценные камни янтарные глаза. Голос мужчины звучал ровно и бесстрастно:

— Если ты хочешь уйти, мы сделаем это прямо сейчас. Обещаю, никто в этой глуши не посмеет встать у нас на пути. Выбор за тобой, Е Хуай. Вернуться в ту лачугу или навсегда покинуть это проклятое место?

Подросток замер, боясь сделать вдох. Его золотистые глаза широко распахнулись. Он никогда не отличался излишней мягкосердечностью и прекрасно знал, к чему ведет вмешательство в чужую судьбу. Гораздо разумнее было убраться отсюда подобра-поздорову, пока трясина местных тайн не затянула его с головой.

Цзян Ту предоставил ему свободу, и самым верным решением было развернуться и бежать без оглядки из этой зловещей деревни.

И все же... В памяти всплыла чужая предсмертная погоня под дождем. До встречи со своим спасителем он ведь точно так же бежал всю свою жизнь.

Разница была лишь в том, что Ван Чжаоди верила: за границей деревни ее ждет спасение. У него же не было даже цели. Лишь бесконечный, бессмысленный побег от одного мучителя к другому.

Такие, как они, были всего лишь скотом, бесправным мясом на жертвенном столе заклинателей. Жалкими тварями, которым оставалось лишь безропотно ждать, пока безжалостная смерть приберет их к рукам.

В изломанных судьбах сестер Ван он разглядел собственное отражение. И в груди подростка внезапно вспыхнул дикий, безумный вопрос: неужели тем, кого сильные мира сего считают лишь «расходным материалом», суждено только бежать? Или все-таки есть другой путь?

Например... заставить мерзавцев захлебнуться собственной кровью? Заставить старосту, крестьян и всех тех, кто измывался над беззащитными, заплатить сполна?

Чистый янтарный блеск в глазах Е Хуая мгновенно померк, сменившись бездонной, пугающей чернотой. Ветер внезапно стих, и над раскисшей дорогой прозвучал тихий, но твердый детский голос:

— Я остаюсь.

Едва слова сорвались с губ, мальчик словно очнулся от дурмана. Осознав, какие страшные мысли овладели его разумом, он испуганно сжался, пытаясь скрыть хищный блеск в глазах от внимательного взора мужчины.

Мимику можно было подчинить воле, но черную ярость, сочившуюся сквозь поры, утаить было невозможно. Цзян Ту, будучи владыкой смерти, чуял чужую злобу острее любого пса. В один миг пространство вокруг них заполнилось тяжелой, удушающей темной аурой, которая оказалась во много раз сильнее предсмертной тоски яростного призрака. Источником этой первобытной жажды крови был хрупкий, на первый взгляд беззащитный ребенок.

Цзян Ту слегка нахмурился, вспомнив давнее предсказание божественного лекаря Байцзэ.

«Если дитя судьбы не сможет взойти на небесный престол, мир живых постигнет страшная кара» — эта мысль заставила его задуматься. Раньше владыка преисподней полагал, что под карой подразумевается хаос, рожденный искажением мировых потоков энергии. Теперь же он засомневался. Откуда у этого измученного дитя столь жуткая, пожирающая все вокруг темная воля?

Впрочем, испуганный вид Е Хуая говорил о том, что тот не ведает, какую силу пробуждает в

себе. Цзян Ту небрежным взмахом рукава рассеял темные клубы энергии, тянувшиеся к его полам, и сделал вид, что ничего примечательного не произошло:

— Хорошо. Возвращаемся.

Они вошли под крышу старосты.

Тот выбежал им навстречу, прижимая руки к груди и заискивающе улыбаясь:

— О, молодой господин, вы вернулись! Какое счастье! Наверняка натерпелись страху под этим дождем. Вот, испейте горячего отвара, согрейтесь.

Цзян Ту молча взял чашку, переставил ее в озябшие пальцы Е Хуая, а затем принял вторую. Он держал ее обеими ладонями, впитывая тепло, но делать глоток не спешил.

На поверхности мутной жижи сиротливо покачивался единственный чайный лист. Никакого аромата не было — лишь поднимался густой сырой пар. Подношение выглядело убогим и жалким.

Сквозь клубы пара Цзян Ту внимательно разглядывал старосту. Широкая улыбка старика собирала кожу вокруг его глаз в глубокие складки. В этом лице не было ни капли радушия — лишь хитрость и крысиная изворотливость мелкого лавочника.

Перемена в его поведении по сравнению с приемом у ворот деревни была слишком разительной.

Губы Цзян Ту тронула едва заметная, вежливая улыбка, под которой скрывалось глубокое омерзение:

— Пустяки. Староста оказал нам любезность, приютив под своим кровом. Это меньшее, чем мы можем отплатить.

Старик закивал с притворным воодушевлением:

— Ох, господин слишком добр! Слишком добр... Но увы, беда не приходит одна.

Он натужно вздохнул и покосился на гостя, выжидая реакцию.

Цзян Ту подыграл ему:

— Что-то стряслось? Если мы можем чем-то помочь, не стесняйтесь сказать.

Довольный покладистостью собеседника, староста приложил ладонь к щеке и запричитал:

— Ах, и впрямь есть одно дельце... Очень нужна ваша помощь, молодой господин!

Цзян Ту едва заметно кивнул, позволяя продолжать.

— Сами изволили видеть, — вполголоса заговорил старик, — мерзавка Паньди совсем от рук отбилась. Стоит отвернуться, как она снова попытается сбежать. Но закон предков суров: местным мужчинам вход в родовой храм строго заказан. Все наши женщины сейчас заняты приготовлениями к свадебному пиру, так что присмотреть за девкой решительно некому. Кроме вас, благородный гость.

При упоминании деревенских баб взгляд старосты подозрительно метнулся в сторону. Он явно лгал.

Цзян Ту сделал вид, что купился на уловку, и с сомнением произнес:

— Но я ведь чужак в этих краях... Разумно ли впускать меня в святилище?

— Что вы, что вы! — поспешно перебил его староста. — Вы — наш почетный гость, духи предков будут лишь рады вашему присутствию!

— Вот как... В таком случае я согласен.

— Благодарю вас сердечно! — расплылся в улыбке старик. — Всего-то и нужно, что посидеть с девчонкой до наступления заветного часа и не давать ей глупить. Обещаю, ваши труды будут вознаграждены. Наша деревня хоть и затеряна в глуши, а духовная энергия здесь скудна, однако у нас есть заветный клочок земли. Там созревает драгоценный женьшень. В год мы собираем всего два корня, и они как раз налились силой. Один из них станет вашим. Можете продать его за горсть золота или принять самому для укрепления тела.

Староста с надеждой потер ладони. Он был уверен, что перед щедрым даром не устоит даже самый бесстрастный заклинатель. Алчность правила миром живых.

И Цзян Ту оправдал его ожидания, ответив со спокойной вежливостью:

— Щедрость старосты не знает границ. Было бы глупо отказываться от столь ценной награды. В какой же час назначен обряд?

— Сегодня в полночь, — выдохнул старик.

Заметив, как едва заметно дрогнули брови собеседника, он тут же торопливо добавил:

— У нас, в деревне Множества Благословений, исстари так заведено. Дикае обычаи, что поделать.

«Действительно, на редкость удобные обычаи» — мысленно усмехнулся Цзян Ту, но вслух произнес лишь сухое:

— Понимаю.

Староста заметно расслабился:

— Вот и славно! Договорились. Ступайте в святилище, как только сгустятся сумерки. Премного вам благодарен.

Цзян Ту кивнул в знак согласия.

Староста засуетился, приглашая их пройти вглубь дома. Его гостеприимство больше походило на желание поскорее спровадить гостей с глаз долой.

— Отдохните с дороги, наберитесь сил. Я велел приготовить для вас и вашего юного слуги сухие чистые вещи. Переоденьтесь скорее, негоже простужаться, хе-хе.

Цзян Ту не стал спорить и молча повел Е Хуая в отведенную им комнату в пристройке.

Старик долго смотрел им вслед. Когда дверь за ними закрылась, его тонкие беззубые губы растянулись в торжествующей, беззвучной ухмылке.

Схватив ярко-красный бумажный зонт, он тихо, крадучись, выскользнул из дома.

В комнате Е Хуай тихо прошептал:

— Ушел.

Острый слух Дитя судьбы уловил даже едва слышный шорох шагов старосты, заглушаемый шумом дождя.

Видя, что его покровитель безмолвствует, мальчик решился спросить:

— Господин, что мы будем делать дальше? Просто ждать здесь?..

Его слова прервал шорох ткани. Сухое простое одеяние со свистом опустилось прямо ему на голову, полностью закрыв обзор.

Сдернув с лица плотную ткань, Е Хуай удивленно моргнул. Цзян Ту уже стоял к нему спиной и, нимало не смущаясь чужого присутствия, спокойно стягивал с себя промокшие верхние одежды.

<http://bllate.org/book/19047/1911379>